

Богатырева С. Н.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА "ТОЛЕРАНТНОСТЬ"

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/15.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 49-52. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2008/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

- комната для курения (*cigar room*);
- комната для ароматерапии (*aromatherapy room*).

Практически все они встречаются не только в английских, но и в русских ресторанах.

Сирконстанты времени выражаются такими словами, как *tonight, tomorrow, next week* и т.п.

Реальным актантам и сирконстантам соответствуют синтаксические актанты и сирконстанты (члены предложения): подлежащее, прямое дополнение, косвенное дополнение, орудийное дополнение или обстоятельство причины, обстоятельство места, обстоятельство времени, дополнение к имени. Так, одушевленным актантам будут соответствовать синтаксические актанты, выраженные подлежащим и прямым или косвенным дополнением:

The client asked a waiter to bring the bill.

The manager told the waiter to serve the VIP client.

Неодушевленным актантам соответствуют синтаксические актанты прямое дополнение и подлежащее:

The bill was brought and I paid it.

Сирконстантам чаще всего соответствуют синтаксические актанты обстоятельство места и времени:

I want to book a table for two for tonight.

We can have a meal in a VIP lounge.

How about having a snack in a fast-food restaurant?

Анализ актантной и сирконстантной структуры типового сценария сферы обслуживания английской лингвокультуры позволяет отразить особенности когнитивной модели той или иной ситуации и установить связь между элементами сценария и элементами его языкового обеспечения.

Список использованной литературы

1. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования [Текст] / В. М. Савицкий. - Самара: Изд-во Самар. ун-та, 1993. - 172 с.
2. Худяков А. А. Теоретическая грамматика английского языка: Учебное пособие [Текст] / А. А. Худяков. - М.: Издательский центр «Академия», 2005. - 256 с.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ КОНЦЕПТА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»

Богатырева С. Н.

Астраханский государственный технический университет

Современный этап лингвистической науки характеризуется высокой интеграцией проблем, принадлежащих контактирующим областям знания - лингвистики, когнитологии, культурологии, социологии и др., что предопределяет новые направления в исследовании языка. Глубокий интерес проявляется к изучению языковых картин мира как национально-культурных концептосфер, проблематике структурной организации концептов, выявлению этноспецифического характера концепта при сопоставлении языков. Диахронический сопоставительно-концептологический подход, включающий рассмотрение комплексных концептов коллективного и индивидуально-авторского сознания, по мнению В.Г.Кузнецова, должен быть междисциплинарным - он позволит обобщать данные лингвистики, литературоведения, культурологии, страноведения, истории и других дисциплин [Кузнецов 2007: 33]. Основоположниками диахронической сопоставительной концептологии можно по праву считать М. Бреала, Э. Бенвениста, М.М. Покровского, Р.А. Будагова, Вяч. Вс. Иванова, Ю.С. Степанова.

В связи с демократизацией современного общества и стремлением приобщиться к мировым ценностям большое место в русском языковом сознании приобретает концепт «*толерантность*». В структуре данного концепта выделяются социальные, психологические и лингвистические аспекты феномена, что помогает обозначить свойства и признаки *толерантности*.

В настоящее время о *толерантности* много пишут философы, богословы, социологи, политологи, правоведы. Актуальность темы обусловлена современностью самой проблемы *толерантности*, которая становится важной для общества, сталкивающегося с различными явлениями политической, этнической, религиозной нетерпимости. При этом важно отметить, что концепт *толерантность* не относится к числу центральных концептов русского сознания, однако интерес к нему объясняется как универсальностью его коммуникативно-психологического содержания, так и важностью описания семантической структуры социополитического концепта. Так, Н. Бердяев обращал внимание на то, что русские моральные оценки прежде всего определяются *по отношению к человеку*.

Задачей данной работы является рассмотрение эволюционных процессов морально-ценностного концепта «*толерантность*».

Слово «*толерантность*» является калькой латинского **tolerantia**, что буквально означает «терпение, терпеливость» (от глагола «**tolero**» - *переносить, терпеть, поддерживать, содержать, кормить*; производное **tolerans** - *терпеливо переносящий, выносливый*).

Как считает Е. С. Кубрякова, абстрактные имена требуют анализа в **исторической** перспективе, так как связи и отношения, передаваемые *nomina abstracta*, принципиально **не наблюдаемы**, а их выделение и опо-

знание отражают, несомненно, степень познания мира, более высокую по сравнению с той, что отражает познание наблюдаемых в телесном опыте сущностей/ объектов [Кубрякова 2006: 6].

Наряду с этим Е. С. Кубрякова отмечает, что «возникновение абстрактных имен знаменует креацию в языке таких новых объектов, которые служат не «отражению», а интерпретации мира, его осмыслению. Поскольку абстрактные имена являются именами самых высоких категорий в системе языка, они свидетельствуют о том, что мысль человека преодолевает границы физического, и что в каком-то смысле новые реальности творятся языком» [Кубрякова 2006: 15].

По мнению Л. О. Чернейко, абстрактные имена предстают в разнообразных обликах, выявить которые оказывается возможным исходя из анализа сочетаемости имени (выявление *геитальтов абстрактного имени*) [Чернейко 1997: 290-295].

Концепт *толерантность* относится к морально-ценностным концептам. Также как и другие концепты, он характеризуется определенной национально-этнической спецификой и исторически изменчив, поскольку «эволюция концептов обусловлена процессами, происходящими в обществе и в коллективном сознании, потребностями в дифференциации, расширении или, наоборот, сужении социально-значимых концептов» [Кузнецов 2007: 28]. Наряду с социальными факторами, на изменение морально-ценностных концептов влияют индивидуальное видение, восприятие мира, активная жизненная позиция, присущая творческим личностям, их личный жизненный опыт.

Таким образом, концепт есть результат коллективного мировосприятия и, следовательно, аккумулирует социальное видение, восприятие концепта. Как отмечает В. Г. Кузнецов, «содержание концепта как коллективного, структурированного знания является ведущим, общим для этнического социума. Наряду с этим в индивидуальном сознании, прежде всего творческом, возможно выделение, актуализация тех или иных признаков концепта» [Кузнецов 2007: 28].

По мнению Ю. С. Степанова, у концепта сложная структура. С одной стороны, к ней относится все, что принадлежит строению понятия; с другой стороны, в структуру концепта входит то, что делает его фактом культуры - исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки, коннотации [Степанов 1997: 41].

Известно, что есть различные типы структур представления знаний - схема, фрейм, сценарий, скрипт. Их объединяет то, что все они есть совокупность информации, хранимой в памяти, которая обеспечивает адекватную когнитивную обработку стандартных ситуаций.

Т. В. Дроздова в качестве репрезентации концепта предлагает рассматривать «иллюстративные примеры», в которых сам концепт не обязательно представляется эксплицитно, а «может имплицитно через описание какого-либо конкретного события, факта и т.п. на уровне реального мира, в одном из своих конкретных воплощений. В таких единицах текста нередко актуализируются некоторые элементы чувственного опыта, эмоциональные оценки и т.п.» [Дроздова 2007: 34].

Исключительным примером для символического изображения абстрактного понятия *толерантности* в XVII веке служит знаковая книга Чезаре Рипа «Иконология», впервые опубликованная в 1593 году: “Si dipinge donna, vestita di berettino, d’aspetto senile, in atoo di sopportare sopra la spalle un sasso con molta fatica, con un motto, che dica, REBUS ME SERVO SECUNDIS. Tolerare, и quasi portare qualche peso, dissimulando la gravezza di esso per qualche buon fine, son pesi dell’anima, alla quale appartiene il sopportare, tolerare per cagione di virtutz gli fastidi, le afflittioni, le quaili si dimonstrano col sasso, che per la gravita sua, opprime quello che gli sta sotto. И vecchia d’aspetto, perche la toleranza nasce da maturita di consigli, laquale и dell’eta senile in maggior parte de gl’huomini mantenuta, adoperata. Et il motto da ad intendere il fine della toleranza, che и di quiete, di riposte, perche la separanza sola di bene apparente fa tolerare, sopportare volontieri tutti li fastidi” («Мы видим пожилую женщину, на голове у нее - маленькая шапочка. С огромным усилием держит женщина на спине камень, на котором надпись: REBUS ME SERVO SECUNDIS. Терпеть, нести на себе любой груз, забывая о его тяжести, ради доброй цели, - в этом задача души, призванной терпеть ради добродетели страдания и печали, которые и олицетворяет камень, по причине тяжести своей, угнетающий то, что под ним находится. Женщина стара, потому что терпение рождается из зрелости суждения, лишь старости свойственной. Надпись говорит нам о том, что цель терпения есть спокойствие, потому что отказ от видимых благ приносит страдания и заставляет терпеть, добровольно переносить все горести». - Перев. с итал.) [Плазовска 2006].

В данном иллюстративном примере встречается и имя самого репрезентируемого концепта *la toleranza*. Представление *толерантности* у Ч. Рипа не особенно привлекательное. Автор репрезентирует концепт *толерантность* посредством метафорического описания (стилистической метафоры), где *толерантность* сравнивается с тяжелой ношей, **тяжелым камнем**, который символизирует горести и беды, встречающиеся нам на пути к добродетели. По мнению автора, кроме того, что *толерантность* это **неприятная обязанность**, преследующая нас на пути к добродетели, *толерантность* есть **мудрость**, присущая лишь рассудительным людям в зрелом и преклонном возрасте.

Говоря о *толерантности*, Чезаре Рипа использует такие слова, как “*tolerare*” - *терпеть*, “*sopportare*” - *выносить*, “*sopportare volontieri*” - *мириться, добровольно переносить*, словно *толерантность* являлась бы чем-то неприятным и требующим усилий.

В надписи на камне: REBUS ME SERVO SECUNDIS заложена суть *толерантности* - это мечта о мире и покое, которые открываются нам в добродетели, - ведь только мечта об очевидном благе дает силы претерпевать тягости.

Фреймовый анализ, по мнению В. Г. Кузнецова, позволяет выделить в концепте интегральные признаки, находящиеся между собой в определенных структурно-иерархических отношениях [Кузнецов 2007: 29]. Так, структурными единицами, составляющими концепта *толерантность*, в XVII веке являются «добродетель», «терпение», «покорность», «безучастие», «равнодушие», «зрелость», «рассудительность», «личная свобода», «мудрость», «гуманизм», «мир», «взаимопонимание», «снисходительность».

Как справедливо отмечает В. Г. Кузнецов, элементы фрейма находятся между собой в синонимических и антонимических отношениях по принципу положительного и отрицательного восприятия общественным сознанием. Синонимы: добродетель - взаимное уважение - взаимопонимание - милосердие - гуманизм - либерализм - снисходительность - невзыскательность - рассудительность - мир. Антонимы: добродетель - подчинение - покорность - терпение - равнодушие - безучастие - безразличие.

Совершенно очевидно, что в XXI веке мы качественно иначе осмысливаем понятие *толерантности*. Как говорит Анна Плазовска: «Наша толерантность сбросила со своих плеч тяжелый камень... Сегодня мы говорим о толерантности как об открытости чужести, как о понимании многообразия и уважении к различиям. Такая позиция не несет в себе необходимости страдания, преодоления - напротив, в свете гомогенизации культуры она оказывается притягательной. Кроме того, мы никогда не сравнили бы толерантность со старостью - отчасти, благодаря убеждению, что молодые люди с большей легкостью открывают в себе добродетель открытости и толерантности, нежели пожилые» [Плазовска 2006]. И, наконец, мы вовсе не связываем понятие толерантности с мудростью, которая, по мнению Ч. Рипы, является необходимым условием достижения добродетели. Для нас толерантность сама по себе является добродетелью.

Исследуя понятие толерантность и утверждая, что толерантность сегодня есть добродетель, Анна Плазовска в своей статье «Толерантность - декорация или содержание?» обращается к книге Алана Блума «Сужение американского сознания. Как высшее образование обмануло ожидания демократии и обеднило души сегодняшних студентов», в которой находит такое же понимание современного значения толерантности как «открытости чужести».

Сегодня благодаря новейшим средствам связи, массовой информации общение народов необычайно возросло, стало все более ощутимо для всех, что человечество являет собой единое целое. Теперь можно смело сказать: «Нет Запада без Востока, нет Востока без Запада». Достижения науки и техники помогают нам почувствовать не только многоликость, но и целостность мира, что открывает новые возможности для обмена материальными и духовными ценностями.

Прекрасной аналогией современному пониманию *толерантности* может послужить орнамент. Специфической чертой орнамента является отсутствие в нем повествовательного, рационального или этического содержания. Нейтральность украшения делает его универсальным элементом декора. Он уместен везде. Один и тот же мотив может украшать и алтарь, и чайник [Плазовска 2006].

Человечество, будучи многоликим, в то же время целостно. Оно кровно заинтересовано в мирном, деловом и доброжелательном диалоге, в предотвращении войн, в научно-техническом и культурном прогрессе, в любовно-бережном отношении к природе, в нормальных условиях своей жизни. Всем народам есть место на нашей планете, и мы должны жить в мире и красоте и неустанно улучшать условия нашего бытия, а не ухудшать его. Все, что способствует единению наций и народов, слиянию их в неразрывный союз, составляет величайшее благо для человечества. Вспомним слова А. С. Пушкина об Адаме Мицкевиче:

Он говорил о временах грядущих,
Когда народы, распри позабыв,
В единую семью соединятся.

Разум истории создал великое многообразие наций, и все они вкуче являют своего рода особый букет цветов в саду социального бытия, где каждая нация обладает своим уникальным ароматом, как бы светится особой аурой. В этом отношении нация в каком-то смысле сравнима с личностью. И сколько бы выиграло человечество, если бы люди и народы научились ценить чужие национальные особенности, как свои собственные.

Всем людям необходимо понимать и принимать другие культуры, то есть быть толерантными, так как толерантность подразумевает терпение, терпимость, понимание ощущения других людей, дружелюбие, спокойствие, адекватное восприятие. Толерантность - это, прежде всего, мирная настроенность, антипод агрессивности, злобности и раздражительности.

Список использованной литературы

1. Дроздова Т. В. Репрезентация концептов в научном тексте (опыт концептуального анализа) // Вопр. когнитивной лингвистики. - 2007. - № 1.
2. Кубрякова Е. С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопр. когнитивной лингвистики. - 2006. - № 3.
3. Кузнецов В. Г. Предмет и задачи диахронической сопоставительной концептологии // Вопр. когнитивной лингвистики. - 2007. - № 2.
4. Плазовска А. Толерантность - декорация или содержание? Искусство 80-х и 90-х как пространство образования в духе толерантности // Вестник Европы. - 2006. - № 17.
5. Словарь латинско-русский. / Сост. А. В. Подосинов, Г. Г. Козлова, А. А. Глухов. - М.: Флинта, Наука, 2002.

6. Спиркин А. Г. *Философия*. - М.: Гардарики, 1999.
7. Степанов Ю. С. *Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования*. - М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
8. Чернейко Л. О. *Лингвофилософский анализ абстрактного имени*. - М.: Прогресс, 1997.

К ПРОБЛЕМЕ ТОЛКОВАНИЯ НЕМЕЦКОГО ПЕРФЕКТА

Богуславская И. В.

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Вопросы аналитизма в языке, несмотря на достаточно долгую историю изучения, и в настоящее время находятся в центре пристального внимания грамматистов. Для немецкого языка одной из главных проблем, связанных с данным кругом вопросов, является интерпретация глагольных временных форм, в частности, перфекта.

Интерпретация перфекта, а также связанное с ней описание функций и значений, может преследовать две цели. С одной стороны, это может быть чисто теоретическое толкование, а с другой стороны, служить целям объяснения данной временной формы в рамках описательных грамматик и учебных пособий для изучающих немецкий язык. Разумеется, весьма желательным при этом является как раз включение наиболее актуальных теоретических результатов в дидактические материалы.

Следует отметить, что степень учета достижений теоретических исследований представляет интерес не только для отечественной практики преподавания немецкого языка. Немецкие германисты, занимающиеся проблемами преподавания своего родного немецкого языка иностранным учащимся, в процессе анализа содержания имеющихся теоретических работ (как по вопросам темпорологии, так и по дидактике - L2-Erwerbsforschung) и практических пособий по немецкому как иностранному отмечают несогласованность процессов дидактизации (и получаемых в их результате описательных грамматических правил употребления и значения временных форм немецкого глагола) с выводами, формулируемыми в чисто теоретических работах [Schumacher 2005: 74].

В нашей статье мы попытаемся дать предварительное сравнение трактовок структурных особенностей, описаний функций немецкого перфекта в противопоставлении с претеритом в наиболее известных и используемых в вузовской практике отечественных и немецких теоретических работах и практических грамматиках немецкого языка.

В отечественной германистике принята точка зрения, согласно которой во всех германских языках форма перфекта прошла схожий эволюционный путь парадигматизации, идиоматизации, состоящий в переориентации с выражения видо-временных элементов значения на темпоральный признак опосредованной временной отнесенности [Историко-типологическая морфология германских языков 1977: 27-75]. В результате парадигматизации первичными значениями форм перфекта оказываются именно временные. В семантике немецкого перфекта отмечаются лишь следы его прежнего перфектно-результативного значения. В основном же отличия его от претерита считаются стилистическими: сферой его функционирования признается диалогическая речь, в которой он выражает прошедшие события, имеющие отношение к настоящему, а также отдельные констатирующие высказывания (ср. напр. [Адмони 1986: 196]). В теоретической грамматике О. И. Москальской приводятся толкования претерита и перфекта ведущих немецких грамматистов [Moskalskaja 2004: 88-99]. Соглашаясь с Х. Вайнрихом (деление на "besprechende und besprochene Welt"), О. И. Москальская признает основным отличием обеих форм различие в сферах их функционирования. Соответственно, сферой функционирования претерита является связное повествование, типичное для прозаических литературных произведений, в этом же качестве претерит даже может быть включен в речь одного из персонажей. При описании значения перфекта мы в данной работе видим критику взглядов Л. Зюттерлина и других немецких авторов первой половины-середины XX в., приписывавших перфекту наличие аспектуального компонента семантики ("vollendete Gegenwart"), восходящего к историческим корням возникновения данной формы. О. И. Москальская делает вывод, что в современной написанию работы отечественной и немецкой грамматической традиции все же окончательно сформировалось мнение об отсутствии аспектуального различия между претеритом и перфектом. В качестве основной характерной черты перфекта в отличие от претерита называется его связь с настоящим, актуальность для настоящего, которая лишь иногда, в определенных контекстах, может сопровождаться также и результативностью. И опять же главной сферой функционирования перфекта называется диалог.

Данные работы уже несколько десятилетий остаются хрестоматийными, а содержащиеся в них трактовки перфекта общепризнанными. Все отечественные учебные пособия по немецкой грамматике (как описательные грамматик, так и сборники упражнений) берут за основу при изложении системы временных форм немецкого языка именно указанное толкование их значений и употребления, т.е. с основным акцентом на различие видов речи.

Тем самым, во всех пособиях, с одной стороны, констатируется связанность перфекта с настоящим. С другой стороны, подчеркивается способность как претерита, так и перфекта передавать и законченные, и незаконченные действия (т.е. отсутствие аспектуальных различий между этими формами прошедшего времени). В более новом издании грамматики М. Г. Арсеньевой и И. А. Цыгановой, тем не менее, указывается на большую частотность значения завершенности у перфекта. Но заметим, что ни в одном пособии не со-